

Андрей Толов

Тайна клуба
по месту жительства

Андрей Голов

Тайна клуба по месту жительства

«Автор»

2026

Голов А.

Тайна клуба по месту жительства / А. Голов — «Автор», 2026

Маленький городок, клуб по месту жительства, запах свежесваренного чая и убийство кикиморы. Для Вероники, молодой бесовки, мечтающей стать настоящим журналистом, это первый серьёзный материал. Расследуя дело, Вероника сталкивается с тайнами, которые, казалось, давно похоронены в прошлом. Кто мог желать зла безобидной кикиморе?

© Голов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	11
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Голов

Тайна клуба по месту жительства

1

Входная железная дверь громко хлопнула, заставив Анну подпрыгнуть и расплескать чай. Сколько лет уже она терпит этот грохот, надо что-то с этим делать, может, приклеить войлочные полоски к косяку. В кабинет влетела Татьяна и, рухнув на стул напротив, стащила с головы вязаную ярко-красную шапку и начала разматывать длинный жёлтый шарф, похожий на уснувшего на шее питона.

— Фух, умаялась. Я, значит, бегаю, а она тут чаи распивает.

— Как думаешь, может, на дверь войлок приклеить, чтоб так не грохала? — сказала Анна, вытирая салфеткой разлитый чай.

— Да ну тебя, это всё неважно. У нас сейчас репетиция, через месяц спектакль, а никто слов толком не знает. Вот посмотри на мои волосы, я скоро совсем седая от стресса буду.

Анна сделала вид, что рассматривает короткие, крашенные в ярко-розовый цвет волосы на подсунутой ей для обозрения макушке.

— Да-да, — задумчиво проговорила Анна, когда осмотр закончился. — Актный зал свободен уже, кружок вязания закончили, а книжный клуб завтра соберётся, если только дети забегут поиграть в настолки, но вы их в спортивный зал отправьте, пусть стол перетаскают. Чаю будешь?

— Можно, я и печенье принесла, новый рецепт. Это девочки из кулинарного кружка нашли. Говорят, классическое английское печенье — сконы, думаю, с ним чаепитие устроить после премьеры.

Пять лет назад Татьяна пришла работать руководителем театрального кружка, и именно тогда её познакомили с Анной — старшим специалистом по организации кружков и мероприятий клуба по месту жительства «Алый парус». Между ними было мало общего и во внешности, и в темпераменте: Анна отличалась полнотой и флегматичностью, тогда как Татьяна была подвижной, шумной и болезненно худой. Анна любила длинные бохо-платья и шаровары, а Татьяна, казалось, хотела носить все цвета разом. Однако это не стало преградой для дружбы.

Снова громыхнула дверь, заставив подпрыгнуть обеих подруг. В клуб по месту жительства начал собираться народ на вечернюю репетицию театрального кружка. Маленькая сцена актового зала готовилась принять на своих подмостках постановку по детективу Агаты Кристи. Автора предложил книжный клуб, а пьесу написала Катюшка — местный сценарист утренников и концертов.

— А Катюшка где, кстати? — спросила Анна.

— Да кто знает, может, опять задумалась и бродит по району в поисках клуба. Просто удивительная способность теряться в трёх соснах. Пробуй печенье, как думаешь, чего не хватает, — сказала Татьяна и протянула ей печенюшку.

В кабинете запахло ванилью, заглушая запах бергамота от разлитого чая. Анна задумчиво откусила кусочек, тщательно прожевала и запила остатками чая. Во рту стало приторно сладко.

— Знаешь, суховато как-то, может, туда изюм или специю какую добавить?

Татьяна недовольно запыхтела и убрала пакет с выпечкой обратно в сумку, давая понять, что злые критики не получают ни кусочка её печенья.

— Татьяна Николаевна! — раздался из коридора женский визгливый голос. — Там все собрались уже.

— Пойду, у тебя шляп для наших мисс не найдётся? — спросила Татьяна, забирая жёлтый клубок своего «удава» и запихивая шапку в рукав синего пальто.

— Что-то было, надо посмотреть в кладовой.

Татьяна кивнула и скрылась за дверью. Анна бросила взгляд на ноутбук, пора заполнять отчёт о проведённых за месяц мероприятиях, да и составлять планы на полугодие. Работать не хотелось, мысли бродили по кругу: совсем непонятно, где набрать молодёжь для участия в турнире по шахматам между клубами, где взять деньги на починку потолка в спортзале. С скромных крох финансирования едва хватало на такие ежемесячные хозяйственные нужды, как покупка жидкого мыла и туалетной бумаги. Самое неприятное — вечная нехватка места. В её кабинете всё забито шкафами, где хранится самое необходимое. Немного свободного пространства отведено под полки с книгами и пышными растениями, которые разрослись до состояния настоящих джунглей, скрывая среди своих зарослей заваленный документами рабочий стол.

Но от растений она точно не избавится, они часть её ведьминской силы, без них Анна просто не сможет чувствовать себя здесь хорошо. Взгляд снова упал на открытый в ноутбуке документ, эх, вот если б можно было использовать для составления отчёта свои магические силы, но, увы, на бюрократию колдовство не действует. Пришлось пить чай, собранный из лучших травок, для бодрости и смекалки с заговором на концентрацию. Глаза скользнули по таблице, нет, и чай с этим не поможет. Анна тяжело вздохнула и вытащила из стола коробку с новым пазлом, приятно и загадочно шелестела ещё не вскрытая плёнка, и шуршали внутри коробки кусочки картона.

— Анна Валерьевна! — Распахнулась дверь, и появилась Катюшка. — А что это вы тут делаете?

Анна быстро пихнула коробку с пазлом обратно в стол.

— Да вот отчёт собиралась делать. Что случилось, Катюш? Тебя Татьяна искала.

— А, да, я тут немного задумалась просто. Знаете, стихи такие милые на ум пришли, и весна прям чувствуется уже в воздухе.

*Литки-улитки, стеклянная крошка,
Ты подожди, до весны так немножко.
Тонкие ветки по синему фону,
Я слышу голос твой по телефону.*

— Так понятно, а от меня что ты хотела? — Анна тяжело вздохнула, ну какая весна, февраль только-только начался.

Катюшке было глубоко за сорок, но больше всего она напоминала херувимчика: большие голубые глаза, светлые, почти белые кудряшки, нежно-розовая курточка. Такая вот вечная романтическая барышня, если не знать о том, что она серьёзно увлекается скалолазанием и турпоходами. Странно, но на природе она всегда знает, куда идти, и рассеянность совершенно не мешает, стоит Катюшке покинуть город.

— А, там Прохор Васильевич пришёл, звал вас, хочет какую-то коробку за сценой оставить.

— Прохор?

Несмотря на имя, Прохор совсем не седовласый старичок, а довольно молодой мужчина, просто ему не повезло, родился в старомagической семье, где имена выбирали весьма консервативно. Анна давно дружила с мамой Прохора — Еленой, всё-таки на одни шабаши ходили — и совсем не удивилась, когда её сын пришёл к ней с идеей организовать книжный клуб. Прохор обожал современную литературу, особенно научную фантастику, да и понятно, дома-то все полки магическими справочниками, травниками и гримуарами заставлены. Анна с удовольствием закрыла крышку ноута и отправилась в актовый зал.

Прохор топтался у двери, держа в руках небольшую жестяную коробочку из-под чая, из зала слышались голоса:

— ...Но я так люблю всех расспрашивать. По-моему, люди просто чудовищно интересны. А по-вашему?

— По-моему, одни интересны, а другие нет.

— Я не согласен. Они все интересны, потому что вы никогда до конца не знаете, что за человек перед вами и что он думает. Например, вы не знаете, что я сейчас думаю...

Анна подошла и тоже прислушалась, из-за двери раздался недовольный голос Татьяны:

— Ну, Кирилл, ты чего топчешься, словно в туалет хочешь? Давайте из второго акта, самый конец, уверена, не помните уже ничего.

Послышалось недовольное ворчание, зашаркали ножки стульев по полу, в зале загомонили. Анна посмотрела на Прохора. Выглядел он таким любителем милитари и страйкбола: короткая стрижка, камуфляжные штаны, берцы и куртка защитного зелёного цвета. И не скажешь, что это лучший таролог области. Заметив изучающий взгляд, Прохор ойкнул и протянул Анне коробку.

— Я уезжаю в Нижний на недельку. Можно это у вас полежит? Это нам для книжного клуба.

— Могу у себя в кабинете в сейфе запереть.

— Не надо, — замылся Прохор. — Можно я в каморке за сценой оставлю? После репетиции.

— Ну, если не боишься, что там потеряется. — Пожала плечами Анна и протянула ключ от кладовой. — Потом мне занесёшь в кабинет.

За сценой находилось хозяйственное помещение, длинное и узкое, туда складывали свои костюмы и реквизит театралы, а ещё туда попадали сломанные стулья, оргтехника, ткани, доски и другое, что можно было приспособить для изготовления декораций. Странно, что Прохор решил что-то оставить в таком месте, где проще ноги переломать, чем найти. Ну, хозяин — барин, к тому же колдун, может, маятником или таро выяснил лучшее место для хранения.

Прохор кивнул и скользнул в актёрский зал, прижимая коробку к груди. Анна развернулась и пошла обратно в кабинет, из раскрытой двери физкультурного зала рвалась бодрая, ритмичная музыка, под которую разминались старушки из группы здоровья. Оставшийся вечер пришлось заниматься отчётом, с тоской поглядывая на ящик, где лежал новый пазл, и отпивая давно остывший чай из кружки. Перед уходом забежала Татьяна и сообщила, что заперла актёрский зал.

— А Прохор ключ от каморки так и не занёс. Он тебе отдал? — спросила Анна.

— Этот... Мальчишка, ф-ф... Лез, нам мешал, а потом убежал. Слушай, может, он с собой ключ утащил. Как же мы костюмы и реквизит к спектаклю достанем?

— Я ему позвоню, не переживай. Надеюсь, он ещё не уехал.

Татьяна возмущённо зафыркала и умчалась, махнув на прощание концом шарфа, как лиса хвостом. Пришлось набрать Прохору. Гудки шли долго, наконец раздалось встревоженное:

— Что случилось?

На заднем фоне играло радио и гудел двигатель.

— Алё, ты чего ключ не занёс? — спросила Анна.

— Ой, а вам его разве Екатерина не отдала? Я на крыльце про ключ вспомнил, и тут она, я ей отдал, обещала передать.

— Ясно, ты уже уехал?

— Да, на полпути, простите, неудобно болтать на трассе.

— Ну, счастливого пути.

Анна нажала сброс и тяжело вздохнула, ну, теперь ещё Катюшку разыскивать, лишь бы она в задумчивости вместе с ключом не уехала на Камчатку или Байкал, и это не шутка, такое

уже случилось. На звонок Катюшка не ответила, но это обычное для неё явление, так что Анна написала ей сообщение и, отложив телефон, стала собираться домой.

Стоя на крыльце клуба, Анна смотрела, как кружатся снежинки в свете фонаря. В некоторых окнах всё ещё приветливо помаргивали новогодние гирлянды, которые вот-вот сменятся подсветкой для горшков с рассадой. Здание клуба пряталось между двух многоэтажек, и мало кто обращал внимание на маленькое крылечко одноэтажного пристроя, с другой стороны которого находился местный КУМ. Казалось, клуб прячется за магической завесой, становясь видимым только для тех, кого выбрал сам. Многие жители микрорайона не ведали о его существовании и удивлялись, когда узнавали, что совсем близко от них существует место с бесплатными кружками и секциями. Обычно сюда приходили старики и дети, ведомые присущим их возрасту любопытством, но иногда клуб случайно находили творческие люди, такие как Татьяна и Катюшка, и становились его важной частью. В сердце кольнула ностальгия, всё-таки здорово, что клуб собрал всех под своей крышей. Смахнув снег с перил, Анна решила, что пора идти домой.

— А что, закрыто уже? — спросил кто-то хриплым голосом рядом.

Анна вздрогнула и сжала в руке связку ключей.

— Да-а-а.

— Жаль, я хотел в кружок записаться.

Повернувшись и увидела старичка, опирающегося на трость и разглядывающего тёмные окна клуба, словно он не доверял ответу Анны, потом старик бодро поднялся на крыльцо и подёргал дверь.

— М-да, закрыто, — недоверчиво проговорил он.

Анна фыркнула: конечно закрыто, время уже девятый час, даже девочек из кружка народных танцев разобрали полчаса назад, несмотря на то, что родители отлавливают этих попрыгушек и переодевают до самого закрытия клуба.

— Ну-с, девушка, а вы в курсе, какие там кружки есть?

Девушка? Да Анна всего лет на десять его помладше. Выглядит, конечно, хорошо, ведьма всё-таки, но на девушку точно не тянет.

— Ну, вам бы рекомендовала группу здоровья или шахматный.

— Интересно, а они завтра?

— Нет, группа здоровья сегодня была, снова будет через два дня, а шахматный на следующей неделе.

— Не подходит. — Старик махнул раздражённо тростью. — Завтра что?

— Ну-у, завтра кружок вязания и готовки.

— Отлично, — сказал старик, спустился по лестнице и удалился.

«Да уж, интересно, кому не повезло Наталье или Свете, — подумала Анна. — Кого решит осчастливить этот вредный старикашка своим посещением, хотя, может, у него с головой не в порядке и завтра он уже забудет, куда собирался». Анна, вздохнула и отправилась домой, а то Терентий некормленный сидит, будет весь вечер ругаться, что фамилъяров морить голодом нельзя, иначе удачи в колдовстве не будет.

На следующий день Анна пришла на работу пораньше, отчёт она вчера так и недоделала, а сегодня его уже нужно было сдать. В клубе было тихо, только над головой раздавался топоток и хихиканье кикиморы. Ну, пусть резвится, пока никто не пришёл. Полив все цветы, горшками с которыми были заставлены подоконники и свободные поверхности на шкафах во всех помещениях клуба, Анна заварила чай с чабрецом и открыла ноутбук. Входная дверь грохнула, заставив подпрыгнуть и расплескать чай на только что отпечатанный лист отчёта.

— Это кто так рано? — удивилась Анна и отправилась проверять в коридор. В здании было пусто, двери в кабинеты заперты. «Наверно, кто-то заглянул внутрь и так и не решился зайти».

Когда Анна поставила последнюю точку в отчёте и залпом выпила остатки чая из кружки, в кабинет просочилась парочка. Худенькая нервная женщина лет сорока в длинном пальто и огромный бугай в коричневом пуховике.

— Здравствуйте, извините за беспокойство, мне бы сына в кружок записать, — пропищала женщина и зажмурилась, словно ждала, что Анна её в ответ ударит.

— В какой и сколько сыну лет?

— Тридцать ему, Пашенька, ты в какой кружок хочешь? — обратилась женщина к бугаю, и Анна поняла, что это и есть сын.

Двухметровый детина, обхватом в старый дуб и с густой бородой и бровями, больше напоминал медведя, чем человека.

— Я лепить хочу, — пробасил Пашенька.

— Значит, в кружок лепки из глины? Пишите заявление, вот бланк, — сказала Анна и с трудом представила Пашеньку, который лепит котика, с другой стороны, он вполне сможет использовать свою силу за гончарным кругом.

Женщина схватила бумагу и, кивнув, вылетела из кабинета, Пашенька потопал за ней. К вечеру клуб гудел как улей, из актового зала приятно пахло выпечкой, там дегустировали рецепты печенья. В спортивном зале разложили стол для тенниса и слышался стук и азартные выкрики. Жизнь клуба шла своим чередом. Решая насущные проблемы с забившейся канализацией, отвалившейся с потолка штукатуркой, ссорой группы здоровья с танцорами, не поделившими раздевалку, и мысленно жалуясь на трудности бытия муниципального заведения, Анна ещё не знала, что настоящие неприятности ждут их клуб в конце недели. Субботним вечером Анна, любуясь подписанным отчётом, достала из ящика свою награду за работу — долгожданный пазл. Дверь в кабинет распахнулась, и влетела Татьяна.

— Безобразие! У нас завтра репетиция в костюмах, а ключа нет.

— Прохор сказал, что отдал его Катюше, — сказала Анна, пряча коробку обратно в стол.

— Ужас, можешь вызывать взлом замков, уверена, ключ мы больше не увидим. А где Катюшка-то?

— Должна завтра прийти на вашу репетицию. Ты ей не звонила?

Татьяна только отмахнулась, понятное дело, дозвониться ей тоже не удалось. Сообщения Анны висели непрочитанными. Предсказание о том, что рассеянную Катюшку подхватил и унёс в неизвестные дали ветер приключений, вполне могло сбыться.

— В четверг была, но я же не знала, что ключ у неё. Мы сценарий правили, чтоб попроще, а то мои толком выучить не могут, далеко им до английской аристократии. Если завтра не явится, значит, ломаем дверь. Кстати, ты чего мне народ набираешь, у меня и так актёров много, — сказала Татьяна, налив себе чая и выхватив из вазочки на столе самую большую и яркую конфету.

— Ты о чём?

— Ну, в четверг старичок какой-то к нам пришёл, сказал, он в театре раньше играл, ещё парень такой огромный с мамашей, она слёзно просила взять сыночку в актёры. Ещё какая-то девочка, ну, она нормальная, только уж больно серьёзная.

— Так-так, старик и Пашенька с мамой со мной разговаривали, но записались они в другие кружки. Видимо, передумали. Девочку не знаю. Так и скажи им, что мест у тебя нет, вы уже давно репетируете.

— Неудобно, — замялась Татьяна. — Ладно, придумаю что-нибудь, вторым составом будут.

Стукнула дверь, и через минуту в кабинет ввалилась Катюшка с охапкой еловых веток в руках. В кабинете тут же запахло снегом и хвоей.

— Смотрите, какую красоту я на помойке нашла. Дайте вазу.

— Хм, зачем тебе они? Новый год кончился давно, их выкинули, потому что они осыплются, — пробубнила Татьяна, пытаясь прожевать конфету.

— Да-а? — удивлённо протянула Катюшка, рассматривая ветки в руках.

— А ты чего сегодня пришла, у вас же репетиция завтра? — спросила Анна.

— Разве сегодня не воскресенье?

— Суббота, — сказала Татьяна. — Но, знаешь, я рада, что сегодня ты всё перепутала. Тебе Прохор ключ отдал?

— Ключ? — растерялась Катюшка и положила еловые ветки на стол, накрыв ими подписанный отчёт. Анна нервно сглотнула, надеясь, что ветки не мокрые и не грязные.

— От каморки. Потеряла?

— Не-ет, сейчас. Вот, я его как положила в карман, так и не вынимала, забыла совсем о нём.

Катюшка сунула руки в карманы куртки, достала и выложила на стол смятые автобусные билеты, чеки, пару карабинов, огрызок карандаша, монеты и, наконец, ключ.

— Это его и спасло, — удовлетворённо сказала Татьяна, забирая ключ. — Всё, пошла я, надо костюмы на завтра посмотреть, в каком они состоянии.

— Я с тобой, — сказала Анна. — Я там под рассадку ящики оставила, пора доставать.

Катюшка подхватила еловые ветви и устремилась за ними. В актовом зале оказалось пусто, сейчас в центре стоял длинный стол, за которым проводили кружки, а во время представлений на сцене стол убирали и выставляли ряды стульев для зрителей, и помещение превращалось в маленький театр. Татьяна запрыгнула на сцену и скрылась за занавесом, Анна полезла за ней. Они отодвинули задник, за которым скрывалась дверь в каморку. Анна открыла дверь и включила свет, Татьяна, обойдя её, скользнула внутрь.

В узком проходе между шкафом и стеллажом лежала маленькая скрюченная старушка в грязном сарафане.

— Боже! — бросилась к ней Татьяна, хотя даже от двери было понятно, что помощь оказывать уже поздно. Анна замерла, она знала эту старушку и никогда не думала, что увидит её мёртвой.

2

За окном тянулись серые росчерки лесополосы, перемежаясь просветами, где виднелись домики ближайших к трассе деревень и посёлков. Точка-тире — такая азбука Морзе провинции. Вероника перевела взгляд на водителя, а парень ничего, имя, конечно, дурацкое — Прохор. Но в этих старомагических семьях с именами всегда какая-то ерунда, хорошо, хоть не Людовик или Азраэль. Молодых колдунов по пальцам одной руки пересчитать, а у этого лицо симпатичное, плечи широкие и одет... Ну, насчёт одет, милитари не самый любимый стиль, но не всем же байкерские шмотки носить, как у самой Ники. Стало грустно. Эх, сколько ещё ждать до открытия мотосезона, а пока приходится кататься запертой в этих коробочках на колёсах, никакого единения с дорогой и скоростью. Вторым поводом для грусти была сама поездка, точнее, ссылка, изгнание Вероники из Нижнего. Она-то мечтала, что из Нижнего Новгорода если уедет, то только в Москву, ну или хотя бы в Питер. Вероника расстроенно шмыгнула носом и пригладила волосы на макушке. Хвостом... Э, копчиком она почувствовала, что дело пахнет Преисподней, когда её вызвали в кабинет начальства. Главный редактор Ведьмостей встретил её с кривой ухмылкой и ткнул на сидящего в кресле для посетителей парня.

— Вот, Вероника, это сын моего друга — Прохор. Он в Нижний по семейным делам приезжал, и сегодня ему сообщили новости. Расскажи ей Прохор.

— У нас в клубе по месту жительства убили кикимору. Сегодня мне Анна, мой руководитель, позвонила. Анна — ведьма природная, её словам можно верить.

— Кикимору? Но это невозможно! — возразила Вероника, такой новости она точно бы не доверяла, может, Анне сто лет, и у неё началась деменция, или она так пошутила, у ведьм шутки странные. Кикимора — вредный домашний дух, а как убьёшь духа? Изгнать можно из дома, защиту поставить, а убить то, что неживое, как?

— Я тоже удивился, но она сказала, что Кикимору сначала овеществовали, а потом убили, — ответил Прохор и пожал плечами. — В этом несилён, я таролог, оракул. А Михаил Иванович считает, что из этого может получиться отличная статья, и попросил взять вас с собой в Арзамас. Я сегодня возвращаюсь.

Вероника посмотрела на главного редактора, ухмылка которого стала ещё шире, блеснул во рту золотой клык. Ясно-понятно, избавиться от неё начальство решило, отправить куда подальше. Ну, подумаешь, немного перестаралась со статьёй для криминальной хроники. Кто же знал, что ведьмы смогут разобраться, кто им насолил, и накатать жалобу на Ведьмости в ковен, а главное — конкретно на Веронику. В голове сразу замелькали подробности её первого журналистского расследования для раздела криминальной хроники.

Квартира располагалась в сталинке. На площадке третьего несколько оборотней в форме полицейских старательно нюхали воздух. Из открытой двери квартиры слышались раздражённые голоса. Вероника аккуратно протиснулась мимо оборотней, один из которых посмотрел на неё с удивлением, но пропустил. Внутри путь ей преградила высокая и сухая ведьма в огромных очках.

— Вы, милочка, куда?

— Я из Ведьмостей, журналист — Вероника Справская. Вам звонили насчёт меня.

— А, журналистка. Я Изольда — следователь паранормальных дел, мы почти закончили. Ну, пошли, покажу место преступления. Случай, конечно, исключительный, повезло тебе с сюжетом.

Изольда провела Веронику на кухню и широким взмахом руки указала на люстру над столом.

— Это что... домовый? — икнула Вероника, разглядывая свисающий с люстры волосатый мешок.

— Да, он самый. Вот я и говорю, где это видано, чтобы домовый повесился. — Изольда передёрнула худыми плечами. — Я здесь первичный осмотр провела, ауры сняла для протокола, так что не стесняйтесь, осматривайтесь. Как хозяйка этого безобразия показания подпишет и протокол, я к тебе её пришлю.

Вероника судорожно кивнула, продолжая рассматривать висящего на люстре домового. Если не присматриваться к посиневшим, распухшим губам и вывалившемуся языку, то хороший такой домовый: ухоженный, одежда добротная и чистая, борода чёсаная, разве только худоват, пузика нет.

Ника подёрнула себя за растрёпанные рыжие кудри и от боли пришла в чувство. Так, она не может завалить первое порученное дело, обещала написать статью и напишет, а Зинаида специально ей такое происшествие подкинула, чтоб проверить — годится ли она в криминальную хронику. Вероника покрутила головой, осматривая кухню: стены белые, мебель светло-серая, лампа из металлических трубок над столом. Стильно и чисто, больше и сказать нечего, можно подумать, что кухню к фотосессии для журнала готовили. В раковине даже грязной чайной ложечки нет. Вероника позавидовала — на её кухне посуда, бывало, лежала сутками, нет у неё домового, квартира съёмная, нельзя в таких домовых селить. Вот и приходится всё самой делать по хозяйству, а времени у работающей ведьмы-студентки на это нет: то учёба, то подработка, то шабаш.

Ника пригладила взъерошенные кудряшки. Самоубийство домового — дело, конечно, небывалое, статья и так получится шикарней, но нужно всё-таки понять, почему такое случилось. Обычно, если домового бросить, то он с ума может сойти. Бывало, уходили домовые от хозяев, если те дом плохо содержали и не уважали их, не угощали... Так-с, а здесь как с угощением? С угощением оказалось отлично. В заветном углу за плитой стоял маленький столик с серебристой салфеткой, на красивой белой тарелке лежали бутерброды, кажется, брускетты с авокадо, а в чашечке рядом что-то зелёное. Вероника подняла чашку и понюхала. Запах травянистый, похоже, смузи из шпината и яблока. За спиной раздалось вежливое покашливание, Вероника поставила чашку на место и повернулась.

— Вы журналист? — спросила её стоявшая в дверях кухни женщина.

Ведьма — сразу понятно, фигура подтянутая, может себе позволить носить обтягивающий спортивный костюм. Не красавица, лицо вострое, на вид лет двадцать, если в холодные голубые глаза не смотреть.

— Да, Вероника... Справская, — запнулась Ника, вспомнив, что журналист должен представляться полностью, она же на работе. — Справская Вероника. А вы хозяйка?

— Да, Светлана. Давайте пройдем в кабинет, не могу на него смотреть, — хозяйка квартиры искоса бросила взгляд на висящего на люстре домового и всхлинула.

— Да-да, конечно, — Вероника удивилась, как быстро она успела позабыть о покойном, увлечшись осмотром. Первый шок прошёл и сменился исконным ведьминским любопытством.

Кабинет оказался серым с белой мебелью. Небольшой стол со стеклянной столешницей, белый кожаный диван, куда Веронике предложили присесть.

— Савелий был для меня членом семьи. Да что говорить, он был единственным близким для меня существом.

— А фамилльяр?

Светлана поморщилась. Странно, все ведьмы имели фамилльяров, помощь в колдовстве, усиление сил, да и к тому же трудно ведьмам с общением, характер-то не ангельский, а фамилльяр всегда выслушает, совет даст и утешит. У Вероники жил ёжик, милейшее существо.

— Я не люблю животных, от них суета, грязь. Когда-то у меня была змея, но после её смерти я так и не решилась завести кого-то.

— А со змеей что случилось?

— Я думаю, завистница Снежана прокляла, извела. Да и какое это имеет значение? Думаете, Савелия тоже сгубили? Ужас какой.

— Вы думаете, он мог повеситься сам? А накануне что было?

— Конечно я не думаю, что сам, зачем моему домовому вешаться, у нас всё прекрасно было. Вчера мы с ним сделали рулет из шпината и соевого сыра. Я, знаете ли, вегетарианка, и Савелий меня в этом поддерживал. Мы с ним сидели вечером и смотрели Рабковского, потом смотрели Задью Таса. Так душевно сидели, Савелий от полноты чувств прослезился. Вот как я теперь без него? Найду, кто это сделал, собственными руками задушу. Это всё из-за зависти. Я достигла высокого уровня осознанности, остальным ведьмам это не дано, вот и завидуют. Но я и без фамильяра, и без домового лучше них.

Вероника покинула квартиру в задумчивости, спустилась пешком на второй этаж и остановилась. Обычно домовые — существа общественные и поддерживают связи. Значит, можно расспросить кого-то из них. Вероника убедилась, что рядом никого нет, подошла к мусоропроводу и прошептала:

— Здравствуйте, а можно с кем-нибудь поговорить?

За трубой взметнулся пылевой смерч, появился мелкий и взъерошенный парнишка. Понятное дело — домовый из квартиры обычных людей не той стати, что у ведьм. Моложе, мельче и проще.

— Я могу. Но недолго, мне ещё тарелки вылизывать.

— Привет. Спасибо. Ты же слышал, у вас тут домовой умер у ведьмы. Савелий.

— А то, бедняга. Помянем сегодня.

— Вы знакомы были?

— Ну, знал про него. Только он с обычными домовыми не общался почти, только с дедом Игнатом. Тот из деревни с бабкой Нюрой приехал. Мы Савелию неровня, сами знаете.

— А с Игнатом можно поговорить?

— Он сам не придёт, не по статусу, ему уже за двести лет, а вы ведьма неавторитетная, идите в пятнадцатую квартиру, если захочет, покажется.

Ника потрянула рыжими кудряшками, послала домовёнку воздушный поцелуй, тот зарделся и исчез. Пятнадцатая квартира была на первом этаже. Дверной звонок хрипло каркнул, намекая, что гостей в квартире не ждут. Послышались шаркающие шаги, и дверь отворила древняя бабка.

— Ты не Наташка, — заявила она шурясь, разглядев гостью.

— Я из газеты. — Ника сунула корочки репортёра под нос слепой бабки. — Про дом ваш пишу, есть жалобы? На соседей, на ЖЭК?

Жалобы у бабушки, конечно, были, так что Веронику пустили на кухню и даже заварили чаю. Оставив свой морок слушать старушку, Ника ускользнула, заметив, как из-за угла её поманил скрюченный пальчик. Домовой Игнат сидел на обувнице и чесал бороду маленьким костяным гребнем.

— Здравствуйте, батюшка домовой. Не уделите мне минутку поговорить?

— Чего не поговорить, давай поговорим. Люблю молоденьких ведьмочек, особенно таких хорошеньких. Слабость у меня к рыжулям, эх, если б не возраст... У тебя домовой-то есть?

— Нет, дома нет и домового тоже.

— Плохо это, у ведьмы дом должен быть, и лучше к природе ближе, а не в каменном человеинике. Вы же от природы силу свою берёте, так вот и не дело вам в городах жить.

— Извините, что перебиваю, а про Савелия вы знаете?

— Савелий? — задумался Игнат. — Плохая ему доля досталась, не повезло.

— Почему не повезло?

— А ты мне скажи, что будет, если я про какую ведьму слово дурное скажу, а она про то узнает?

Вероника промолчала, ничего хорошего на этот вопрос она ответить не могла. Мстительность — одно из ведьминских свойств, никуда от этого не деться. Но раз домовой так говорит, значит, плохое всё-таки было. Может, зайти с другого конца?

— А почему у них змея умерла, вам Савелий не рассказывал?

— Змея? А, ну да, была у них такая гадина. Вот и зачем такое держать? Вот кот — животное подходящее, вредное, конечно, но домовым завсегда товарищ, и шум какой в доме на него свалить можно.

— Так что со змеей случилось?

— Так приехала тогда ведьма со своей Бали и говорит... Ну, это тогда у неё что-то с головой сделалось, она и до этого ведьмой была с причудами, а тут совсем.

Вероника заставила себя промолчать, боясь новым уточняющим вопросом напомнить Игнату, что плохого про ведьм не собирался говорить.

— Ну и говорит, я мясо есть теперь не буду и дома держать. А змея, она же живых мышей жрёт, гадость-то какая, мыши — они вредители, но когда тебя какая тварь целиком заживо жрёт... Так о чём я? А, ну, не хотела она больше её кормить, ну и сказала Савелию избавиться. Уж что он там сделал, я не знаю, но долго смурной ходил.

Вероника зажала себе руками рот, чтоб не выругаться и не спугнуть откровения домового. Игнат с ведьмами не жил и не знал, что змея была фамильяром, а значит, существом разумным. Получается, уже не одно убийство, а два. Хотя...

— Значит, сильно переживал? А давно это было?

— Зимы три назад. Да как сказать, он после приезда хозяйки тогда сильно встревоженный ходил, а потом вроде как обвыкся. Новые порядки у них начались. Она и раньше за чистоту требовала, с ватной палочкой все углы проверяла, микробами его всё пугала и этими... как их, сопра-а-афитами... А уж после и не знаю, чего было, всё реже он приходил стал. Чай ему нельзя пить, булки нельзя есть, про пироги его любимые с яйцом и капустой я и молчу. Запугала его, вредно это всё, а мясо вообще в животе гниёт, и трупный яд в нём. По телевизору только всяких учёных людей слушать можно, из развлечений музыка странная, я разок подслушивал, так не споёшь под неё, не спляшешь, только выть от тоски можно. А разве можно ведьму послушаться? Вот и терпел он всё и уйти по нашим законам не мог. В правилах такого нет, чтобы от излишней чистоты и заботливости от хозяев уходить.

— А вы не думаете, что его убить могли?

— Убить? Ну, это вам виднее, ведьмы в мире не живут, гадости друг другу делают, может, Савелий и попал под раздачу.

Спохватившись, что говорит с ведьмой о ведьмах, Игнат сощурил глаза, вспоминая, что уже успел наболтать, и недовольно запыхтел.

— Ты это... У меня это... Дел полно, пойду, хозяйство без присмотра.

Домовой испарился, а Ника вернулась к старушке, с умным видом почёркала в блокноте, поблагодарила за беседу и пообещала, что обязательно занесёт ей газету со статьёй. А что? Ведьмам врать, как дышать, не только можно, но и полагается. Во дворе Вероника задумалась и села на лавочку под липу. Можно отправиться домой и написать статью, вот только ерунда же выйдет: жил-был домовой, а потом от счастья повесился. Если взялась за ниточку, то надо и весь клубочек размотать. Про конфликты узнать нужно. Кого там из врагинь вспоминала Светлана? Снежану. Ну да, живёт такая ведьма в частном секторе, и по годам они с потерпевшей ровесницы почти. Надо съездить, расспросить, никто лучше не знает человека, чем его враг, особенно если враг — ведьма.

Такой дом Игнату бы понравился. Как положено ведьмам, жила Снежана на земле, рядом ручеёк и лесок, до города всего пятнадцать минут. Вероника поставила мотоцикл у калитки и нажала на крохотную пуговку звонка. Понятно, что ведьма уже знала о госте, но ломиться в дом без стука не стоит. Дверь бесшумно открылась. Внутри Веронику встретили запахи трав и

кошачьей мочи. Под ноги бросился чёрный кот, на огромной печи зашуршало, а на жёрдочке хрипло каркнул ворон.

— Здравствуйте-е-е... — протянула Вероника.

— Ой, да и вам не хворать. Вот не думала, что нынче гости пожалуют.

Хозяйка явилась перед гостей в чёрном кружевном бохо-платье, вязаной шали поверх и с ярким платком, завязанным тюрбаном на голове.

— Я Вероника... Справская. Справская Вероника — репортёр из газеты. Вы не могли бы мне ответить на пару вопросов?

— А чего не ответить, мне скрывать нечего. Присаживайся, Вероника, пельмени будешь? Или, может, чаю с чабрецом? Нервный вид у тебя какой-то.

— Чаю можно. Я хотела спросить...

Здесь Вероника задумалась: а что она спросит? Обвинить ведьму вот так в убийстве чужого домового и фамильяра — так это уровень суда конклава. А её эта древняя ведьма за такие вопросы сейчас в поганку превратит и права будет.

— Вы знакомы со Светланой?

— С этой умалишённой? Как же, пересекались на мероприятиях пару раз. Что, жаловалась на меня? Уж подумаешь, я при всех высказалась про то, что она мясо не ест. Видите ли, жертвенный козёл ей не угодил. Что она предлагает — кабачок или тыкву резать во имя Сатаны? Я предложила гнать её из ведьм поганой метлой, пока в себя не придёт.

— Кхм, вы знаете, у неё домовой сегодня с утра повесился.

— Ах, ты же праматерь. Бедняга. А я не удивлена. Что ему ещё с такой хозяйкой делать-то было? Харитон! Харитон!

Из-за печи появился мужичок в драных грязных одежках и со взлохмаченной головой.

— Что хотели, хозяйка? — спросил он и поклонился до земли.

— Ты слышал? Савелий повесился.

— Нет, хозяйка. Я не общаюсь с городскими домовыми.

— Молодец, правильно. От них всякой ереси нахвататься можно. А нам надо старых заповедей придерживаться, в них вся сила.

— Да, хозяйка, — кивнул Харитон, голова у него нелепо дёрнулась и обвисла на грудь.

— Вот видишь, правильно надо с домовыми обращаться, как положено по ведьмострою, наши матери не зря его придумали. А то дружат со своими домовыми, а те последний ум теряют и от свободы воли в петлю лезут, — лекторским тоном произнесла Снежана. — Всё понятно?

— Да, хозяй... госпожа ведьма. Спасибо за информацию, — ответила Ника и по-быстрому слиняла из гостеприимного дома.

Харитон догнал её у мотоцикла, осторожно дёрнув за штанину из высокой травы.

— Ой, ты чего?

— Значит, мой брат повесился? — спросили из травы, и раздался горький всхлип.

— Савелий был твоим братом?

— Да, но наши хозяйки не знали, не спрашивали. Никто у домовых про родственников не выясняет.

Ника задумалась, она тоже никогда раньше не размышляла о родственных связях домовых и их появлении на свет. Вроде как они самозарождались в домах раньше или нет? Странно, домовых женского пола она никогда не видела.

— Так и что, вы не общались?

— Немного, редко. Последний раз, когда он змею принёс. Фамильяра хозяйки, мы её в лес выпустили. Меня далеко от дома не отпускают, я подробностей не знал, весточку послать не мог, — Харитон замолчал, раздался всхлип. Ника уже собралась уезжать, утешать домового смысла не видела, он явно стеснялся своих чувств. Но вдруг тихие рыдания смолкли. — Значит, мне... И я... А чем я хуже, до кой мне ещё мучиться?

— Э-э-э, ты чего? Не вздумай, — сказала Ника.

Домовой в траве зашуршал, осознал, что рядом стоит ведьма, о которой успел забыть в порыве горя.

— Не убегай! Стоять! — скомандовала Ника специальным голосом для управления духами. Харитон замер. А что, если... Интересная идея закралась в рыжую голову. Сейчас угли еле тлеют, а что если дровишек подбросить, а ещё лучше бензину плеснуть. — Я тебя забираю. Сейчас ритуал проведу, у меня в сумках всё нужное есть. Правда, к себе не могу, но найдём хозяина. Думаю, тебе в твоём положении капризничать не положено.

— Сил тебе не хватит, моя хозяйка — древняя ведьма огромной силы.

— Не переживай, поверь, мне хватит, — ехидно улыбнулась Ника и пригладила рыжие кудряшки.

Ника смотрела на дом, над сталинкой крутилась чёрная воронка проклятий. Ведьмы встретились, план сработал. Журналистка тихонько пробралась в подъезд, и уже на втором этаже стали слышны истеричные крики.

— Верни мне Харитона, тварь! Я его чувствую, он здесь! Своего домового прошляпила, чужого украла!

— Нет у меня твоего домового! Это ты сгубила моего, вот от тебя теперь домовые бегут! Завистница!

— Полоумная! Тебе лечиться надо!

— Верни!

— Убийца!

— Тварь!

— Дрянь!

Скоро разборчивые слова кончились, слившись в визги и рычание. В воздухе запахло озоном. Проклятия начинали действовать. «Хорошо бы они друг друга поубивали. Ну или в жаб превратили», — подумала Ника. Отличная статья выйдет о битве двух древних ведьм, не то что скучное повешение какого-то домового. Вероника достала телефон, подкралась ближе, прячась под мороком, и успела сфоткать, как ведьмы вцепились друг другу в волосы. Никаких угрызений совести и сочувствия Ника не испытывала, такие качества у ведьм не водятся. Она пригладила волосы, пряча под рыжими кудряшками маленькие рожи, а таким чертовкам, дочерям ведьмы и чёрта, как она, и вовсе в радость драки и раздоры. Разве не за этим она шла в журналистику?

Всё тогда Ника правильно сделала, материал получился шикарный. Жаль, эти гадины помирились на новогоднем шабаше и общую жалобу на журналистку Справскую накатали за оскорбление чести и достоинства. Эти дуры своих домовых довели, а виновата почему-то Ника. За доведение домового до самоубийства в ковен вызвать надо на суд, увы, никто начинающую журналистку слушать не стал, а главный редактор решил отослать подальше, хорошо, хоть не уволил, сам же статью в печать подписал и руки потирал в предвкушении, а как проблемы появились, нашёл «козу отпущения».

Теперь Ника едет в маленький город в надежде, что там действительно случилось интересное убийство, а не что-то померещилось старенькой ведьме.

— Эта Анна, почему она работает в клубе? Вроде не слишком престижное место. Или я что-то не понимаю? — спросила Ника, отвлекаясь от невесёлых размышлений. Пора собирать информацию, она же на работе, в конце концов.

— Ну-у-у. Думаю, ей просто нравится, — сказал Прохор, не отвлекаясь от дороги. — В молодости она по разным мероприятиям ездила, ну, знаешь, первая волна реконструкторов, ролеиков, по лесам они бродили и полям. Анна ведьму отыгрывала часто, приятно побыть самим собой и не скрываться. Говоришь спокойно «Я ведьма», и никаких вопросов. А потом у нас в городе открылся клуб реконструкторов, но это была частная инициатива, места не хва-

тало, дорого снимать, вот решили к клубу по месту жительства прибиться, а Анна устроилась туда работать. Потом реконструкторам администрация выделила своё помещение, а Анна осталась в клубе. Так что, думаю, ей нравится эта работа.

«Тоже мне работа», — подумала Ника и фыркнула. Ведьмы ничего просто так не делают, наверняка эта Анна работой в клубе прикрывает какие-то свои тёмные делишки, вот это действительно тянет на интересную статью.

3

Полиция ушла. Анна оттирала почерневшие от порошка кончики пальцев, напротив сидели Татьяна и Катюшка, перед ними стояли чашки с успокаивающим отваром, в кабинете сильно пахло валерьяной.

— Как она туда попала? — шмыгнув носом, повторила Катюшка основной вопрос полиции.

— Заперто же было, и я первый раз эту старушку вижу. Она же в сарафане. Может, у народников спросить или старушка из хора пенсионеров? — подключилась к обсуждению Татьяна.

Анна ответы на эти вопросы знала, её больше волновало, кто смог убить кикимору? Это какую магическую силу надо иметь, чтоб заклятие овеществления подействовало на духа? Бедная Боянка допрыгалась, зря из деревни в город перебралась. Хотя и вредный дух кикимора, а всё равно жалко, да и при Анне она по мелочи безобразила, побаивалась ведьму.

— Да уж, как теперь начальству объяснять, что мы никого не запирали в кладовке, — высказала Анна вслух ещё одну проблему.

Точно не стоит рассказывать обычным людям, что в клубе жила кикимора. Кстати, последний раз Анна слышала Боянку в среду, пока сидела в клубе в одиночестве. Когда, немного успокоившись, подруги ушли, Анна позвонила Прохору, он единственный, кто поймёт весь ужас ситуации. Но даже Прохор отнёсся к её словам недоверчиво, сказал, что постарается поскорее приехать. Говорил он с ней, как разговаривают с детьми, которые уверяют, что под кроватью у них прячется монстр, ну или с впавшей в маразм любимой бабушкой. Ну, сама бы не видела, не поверила в убийство кикиморы, да и тело полиция увезла, не могло же это быть общей галлюцинацией. Впрочем, как бы ни силён маг, заклятие спадёт и через девять дней в морге недосчитаются тела. Интересно, как они это будут в отчётах объяснять. Надо в ковен сообщить, пусть подключаются и решают, что с исчезновением тела делать.

Прохор влетел в кабинет на следующий день, а вместе с ним явилась рыжая кудрявая девица, одетая не по погоде: в кожаные штаны и короткую кожаную курточку.

— Это Вероника Справская, она журналист, — представил девушку Прохор. — В Ведьмостях заинтересовались убийством кикиморы. Вы тут поболтайте, я пойду в каморке заберу свои вещи. Их же полиция не трогала?

— Хорошо. Нет, они только отпечатки сняли с двери. Там, правда, опечатано, но думаю, они больше осматривать не будут.

Прохор убежал. Интересно, Анна совсем забыла про его коробку. Но полиция ничего странного рядом с телом не нашла, так что никакие вещи из каморки не уносили. Ход мыслей нарушила журналистка, она бродила по кабинету и разглядывала книжки на полках, а потом и вовсе сунула нос в шкаф.

— Чаю? — холодно спросила Анна, отвлекая Веронику от обыска.

— А кофе у вас есть?

— Где-то лежал. Три в одном, есть со вкусом малины.

Вероника поморщилась. Анна хмыкнула, здесь не кофейня, и гостей никто не ждал. Прохор мог бы и предупредить, что явится не один.

— Кофемашины у вас нет или автомата?

— Нет. Но здесь недалеко кофейня, видели, возможно, на перекрёстке такой странный дом, на первом этаже сбербанк, а на втором небольшая кофейня, недорого и вкусные десерты.

— А зачем вы убили кикимору? — неожиданно сменила тему разговора Вероника.

— Я?! — Анна от неожиданности чуть не выронила чашку, в которую хотела налить для журналистки чай.

— Ну а кто? У вас что много ведьм и магов в клуб ходят?

— Ну, насколько мне известно, из ковена только я и Прохор. Но зачем мне убивать кикимору? Изгнала бы и всё, да и не умею я так, природная, я на травах специализируюсь, а тут скорее колдун.

Вероника посмотрела недоверчиво и саркастически подняла бровь. Действительно, не так уж много магически одарённых на территории России, а уж тем более в маленьком провинциальном городе, так что сомнения журналистки понятны, зачем кого-то искать, если прямо перед тобой подходящая ведьма.

— Ну конечно, первая ни в чём не повинная ведьма в мире.

Анна не успела ответить на подколку, со стороны актового зала раздался душераздирающий крик. Они с Вероникой бросились на помощь, чуть не сбив друг друга в проёме двери.

Дверь в каморку была распахнута, а на полу сидел Прохор, держа в руках две половинки огромного яйца, рядом стоял открытый сундук. Анна вспомнила, откуда этот реквизит, в прошлом году ставили сказку про Кощея Бессмертного, яйцо сделали из огромного киндер-сюрприза, а сундук из обычной коробки, обклеив пенопластовым декором.

— Что случилось?

— Я не знаю. Не понимаю, почему? Всё должно было быть нормально, я проверял.

— Что должно было быть?

— Это наша семейная тайна, — прошептал Прохор. — Так не должно, мои колоды не врут.

— Так, давай клади яйцо обратно в сундук, и пошли в кабинет, раз тайна, то будем там разговаривать. Пока ты нам не объяснишь, в чём дело, помочь мы тебе не сможем, — скомандовала Вероника.

В кабинете Анна вручила бледному Прохору стакан с остатками успокоительного сбора, тот хлебнул и закашлялся, похоже, травы слишком настоялись и стали горчить.

— Ну так что у тебя случилось? — спросила Анна.

— Помните, я оставлял вам коробочку? Она пропала, — грустно прошептал Прохор.

— Так там было что-то ценное? Говорила же, давай в сейф положим.

— Ты что спрятал что-то ценное в бутфорское яйцо? — спросила Вероника.

— Ну, я сделал расклад, и карты показали, что это самое удачное место, не яйцо, клуб, а сейф сломанный, если его стукнуть, он открывается, — пробормотал Прохор. — А в каморке, если не знаешь, где лежит, сто лет нужное не найдёшь.

— Это да-а-а, — протянула Анна. — Так что ты там спрятал? И почему дома не оставил?

— Длинная история, и я не могу, здесь Вероника, она же журналист, это, считай, сразу статья для газеты получится.

— Вероника, выйди, нам надо с Прохором личное обсудить.

— Ну уж нет, — буркнула Вероника и пригладила рыжие кудри на макушке. — Давайте я просто поклянусь, что сохраню тайну, и всё. Самую страшную ведьминскую клятву дам.

Анна переглянулась с Прохором, решать было ему. Анна точно не стала бы доверять этой особе, которая сейчас изобразила девичью невинность и смотрела на Прохора влюблёнными глазами. Плохо, мальчик ещё не знает, какими бывают настоящие ведьмы, любую клятву можно обойти.

— Хорошо, что теперь терять, возможно, тайне теперь конец, — сказал Прохор. — Но история длинная и скучная. Рассказывать всё?

— Мы потерпим, — радостно закивала Вероника.

— Нет уж, пусть всё-таки клятву даст на всякий случай, — сказала Анна.

Пришлось расчищать от бумаг стол и рисовать ключ-печать для вызова духа. Положив руку на рисунок, Вероника быстро протараторила стандартные слова малой клятвы. Круг вспыхнул бледно-голубым, клятву приняли.

— Ну всё, я сейчас от любопытства помру, давай выкладывай свою страшную семейную тайну, — сказала Вероника, оттирая руку от мела.

— В пятнадцатом веке герцог Милана Филиппо Мария Висконти создал первую колоду таро, точнее, тарокки. После смерти герцога работу над картами продолжил его зять Франческо Сфорца, он стал автором нескольких колод таро. Сфорца интересовало будущее, но смущало одно: колоды предсказывают лишь на основе того, что существовало, как сейчас скажут в «инфополе», на момент гадания. Простой пример: у нас в клетке есть волк и заяц, скорее всего, один съест другого, и карты это покажут точно, но если после гадания к клетке подойдёт охотник с арбалетом и застрелит волка, то карты винить нельзя, ведь в момент гадания никакого охотника не было рядом. Это очень грубое объяснение, карты показывают максимальную вероятность событий на данный момент. Эта проблема долго волновала Сфорца, пока он не встретил ведьму Анжель де ла Барт. Правда, Франческо о её магических силах не знал, считая просто очередной красавицей, у герцога всегда было много любовниц. У ведьмы был свой интерес, Анжель уговорила Сфорца создать новую колоду, которая не просто предсказывает будущее, а заставляет его меняться в сторону, нужную гадателю. Ведьма Анжель подпитывала карты своей силой во время работы Сфорца над колодой. Так появилось таро, названное позднее Чёрным, так как из-за влияния злой воли ведьмы расклад на этой колоде заставлял сбываться самые ужасные предсказания. Поняв, что натворил, Сфорца создал вторую колоду, гадание которой заставляло сбываться хорошее. Он задумал, что, объединив эти колоды, гадающий избавится от последствий предсказаний Чёрной колоды. Но ведьма успела хитростью выкрасть Чёрную колоду и сбежать. Сфорца передал Белую колоду своей дочери Ипполите, которая затем подарила её своей дочери Изабелле. Изабелла, вступив в морганатический брак с Леонардо да Винчи, отдала колоду одной из своих дочерей, та вышла замуж, покинула Милан и переселилась в Кёльн. Дальше следы Белой колоды теряются. Анжель же сожгли за колдовство, куда после этого пропала Чёрная колода — неизвестно.

— Значит, Белая колода хранилась у вас? Вы родственники да Винчи?

— Не знаю, я не очень верю в эту легенду. Возможно, во времена Петра I потомки дочери Изабеллы переехали в Россию. Мы никогда не пользовались колодой, это больше историческая ценность, да и не верю я, что она работает. Правда, дома она лежит в специальном алтаре, её охраняет наш домашний дух-защитник. Но дух приболел, и мне пришлось взять его в Нижний к специалисту. Расклады мне посоветовали на это время забрать реликвию из дома и самым надёжным местом показали клуб, единственный вариант, после которого колода должна была остаться во владении нашей семьи. Карты ошиблись! — Прохор сбился и расстроено всхлипнул.

— Из всего этого я поняла, что ты оставил в каморке весьма ценную вещь, причём как для обычных людей, так и для магов. В этой же каморке убили кикимору. Вы связь не видите? — сказала Вероника, достала планшет и принялась там что-то печатать.

— Кто-то пришёл за колодой, а его увидела кикимора, после чего её убили. Похоже на правду, если просто изгнать, то потом и призвать можно, и допросить, а так свидетелей преступления нет.

— Значит, всё-таки кто-то с магическими силами, а где ты была в день гибели кикиморы? — спросила Вероника, в упор глядя на Анну.

— Как и всегда, в кабинете. В этот день кружки ещё не начались, а потом пришла полиция и пришлось всё отменить.

— Ну, так вы могли прийти ночью, ключи же только у вас, или убить днём накануне. Кстати, узнавали у полиции время смерти?

— Ничего я не узнавала, а ключи от клуба есть у театралов и танцоров.

— Вероника, не думаю, что Анна такое сделала, — сказал Прохор.

— Да уж, зачем мне колода, я таким не увлекаюсь, а попробуй я её продать, всем в ковене стало бы известно.

— Ты могла продать не магам, а обычным людишкам как историческую ценность. Да и вдруг тебе кражу заказали, когда узнали, что Прохор оставил колоду на хранение. Слушай, Прохор, ты, кстати, не под влиянием Анны был, когда совершал такую глупость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.